

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы»

**ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ
ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Сборник научных трудов

Гродно
«ЮрСаПринт»
2017

УДК 1(091)(08)

ББК 87.3(0)

Э 91

Редакционная коллегия:

*М. А. Можейко (отв. ред.),
С. В. Донских, С. Л. Вилейко*

Рецензенты:

*Морозов А. В., доктор филологических наук, профессор
(УО «Белорусский государственный университет
культуры и искусств»;*

*Карев Д. В., доктор исторических наук, профессор
(ГрГУ им. Я. Купалы)*

Э 91 **Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: сб. науч. ст. /**
ГрГУ им. Я. Купалы, редкол.: М. А. Можейко (отв. ред.) [и др.]. – Гродно : «ЮрСаПринт», 2017. – 414 с.

ISBN 978-985-448-66-79.

Исследуются социокультурные преобразования, выявляется их сущность, раскрываются основные направления развития, наиболее актуальные аспекты трансформационных процессов сквозь призму этносоциальных и конфессиональных особенностей. Всестороннему анализу подвергаются основополагающие проблемы национального и конфессионального развития на современном этапе. Адресовано преподавателям средних и высших учебных заведений, научным работникам, работникам органов государственного управления и всем интересующимся проблемами национального и конфессионального развития современного общества.

Издается при финансовой поддержке Уполномоченного по делам религий и национальностей Совета Министров Республики Беларусь.

УДК 82.09

ББК 83

ISBN 978-985-448-66-79

© УО «ГрГУ им. Я. Купалы», 2017

© ООО «ЮрСаПринт». Макет, 2017

УДК 94(470+571)

И. Р. Чикалова,

доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории БГПУ им. Максима Танка, г. Минск;

Е. О. Капуста,

студентка исторического факультета БГПУ им. Максима Танка, г. Минск

Реакция российской общественности на заключение англо-русского договора 1907 г.

В статье рассматривается реакция российской общественности на заключение Англо-русской конвенции 1907 г. Делается вывод о том, что в целом она благосклонно приняла новость, поскольку с Великобританией связывалась надежда на решение вопроса о проливах и поддержку российских интересов на Балканах. Противники считали, что никаких выгод от соглашения Россия не получила.

Ключевые слова: Великобритания, Российская империя, Англо-русская конвенция 1907 г., общественное мнение.

18 (31) августа 1907 г. была заключена Англо-русская конвенция о разграничении сфер влияния в Персии, Афганистане и Тибете. С русской стороны соглашение подписал А. П. Извольский, с английской – А. Никольсон. 11 (24) сентября текст был сообщен великим державам, а 13 (26) сентября Конвенция была опубликована.

В газете «Русь» от 28 сентября (11 октября) 1907 г. была помещена карикатура: британский лев и русский медведь раздирают персидскую кошку. Лев медведю: «Вы можете заняться головой этой кошки. А я возьму себе хвостик». Персидская кошка: «Позвольте, позвольте! А вам разве не интересно знать, согласна ли я на эти ласки?» [3, с. 15].

«Русь» выражала надежды, что «соглашение при всей своей ограниченности будет бесконечно много весить на международных политических весах. Оно – первый и весьма решительный шаг и много обещает обоим народам в будущем, в случае, если дальнейшие события, особенно внутреннее наше развитие, будут благоприятствовать дальнейшему сближению». Мечты о свободном выходе в Индийский океан нам приходится оставить, – сетовала «Русь», однако считала, что «компенсация за этот тяжкий для нас отказ должна быть нам дана в дальнейшем соглашении с Англией по делам Ближнего

Востока, где все еще ждет разрешения вопрос о проливах, вопрос, в котором Англия всегда играла такую крупную роль» [3, с. 48].

Суворинская газета «Новое время» – «барометр настроений петербургской бюрократии» – заключенное в 1907 г. Англо-русское соглашение встретила с большим воодушевлением, ожидая от него «установления в Азии, а вслед за ним и в Европе нового порядка, основанного на единодушном согласовании наших действий с Англией». Вместе с тем, желая пробудить британских политиков к более энергичной поддержке царской династии на Балканах, «Новое время» напоминает, что при подписании Конвенции «Россия пошла на серьезные уступки и поэтому вправе рассчитывать на взаимность со стороны английских партнеров» [4, с. 30, 31].

«Московский еженедельник» также не оставил без внимания факт заключения Англо-русской конвенции 1907 г., громадное значение которой признается всеми странами [8, с. 55]. Рассуждая о степени выгодности соглашения для каждой из договорившихся сторон, журнал отмечал, что «есть всегда спорный вопрос, потому что на весах приходится класть самые различные интересы. Главным непосредственным стимулом соглашения для Англии является безопасность Индии, для России – обеспечение внешнего мира на все то время, пока не водворился мир «внутриний» [8, с. 55]. Подробное освещение получила каждая из глав Конвенции, касающаяся Ирана, Афганистана и Тибета. Журнал сетовал на отсутствие равноправия в Афганистане, «равноправие для нас имело бы то значение, что его сдерживался возможный пыл местных английских агентов, так как во всех странах и всегда эта категория представителей власти склонна превышать инструкции центрального правительства и нередко создает осложнения» [9]. «Московский еженедельник» ставил вопрос, «насколько целесообразно со стороны английского правительства, ввиду установления новых отношений с Россией, подтверждать свои исключительные права в Афганистане, которые имели основания при взаимном недоверии и подозрении». «Но что сделано, то сделано. Время, быть может, внесет поправки возможных ошибок с обеих сторон, – писал журнал, – важнее всего, чтобы в основу отношений между странами-соперниками проник дух примирения и солидарности». Что касается соглашения по отношению к Персии и Тибету, то здесь оно «соответ-

ствуует реальным интересам обеих держав и не влечет за собой никаких уступок, помимо тех, которые выражаются в точном отмежевании от этих интересов элемента авантюризма», «обе державы выигрывают, устраняя лишние поводы к осложнениям» [8, с. 59; 40, с. 53].

Подобной точки зрения придерживалась и кадетская «Речь». Оценивая общий смысл Англо-русского соглашения, газета писала, что его целью было «прекращение того невыгодного для обеих сторон положения в Центральной Азии, когда в качестве не доверяющих друг другу конкурентов они взаимно парализовали друг друга. Обе стороны пришли к заключению, что ... выгоднее обеспечить себя от случайностей с тыла, хотя бы это обеспечение и обошлось ценой серьезных уступок» [2, с. 14]. Уступки, на которые должна была пойти Россия на севере Персии: отказ «от мечты о выходе в теплое море» и передача Персидского залива в сферу влияния Великобритании, «неприкосновенность Афганистана с признанием особых прав Англии и Тибета, были продиктованы слабостью России, но вместе с этим кадеты признавали их «неважными сравнительно с той целью, которой они достигли, с возможностью для России, как и для Англии, вернуться в Европу с Дальнего Востока» [2, с. 14]. Возвращаясь, уже по факту подписания соглашения, к его истокам, кадетская пресса в перечень основ русско-английского сближения ввела новый элемент – растущий, в связи с усиленными морскими вооружениями Германии, англо-германский антагонизм, оставив неизменным тезис о значении русско-японской войны и ее последствий. Применительно к первому кадеты замечали, что к тому моменту, когда возросла экономическая и политическая мощь Германии, мир уже был поделен – «Германии достались если не крохи колониального богатства, то, во всяком случае, такие куски, которые несравнимы с тем, что досталось Англии и Франции». Если в 1880-х гг. Германия только начинала искать «территориальные приобретения и расширение своего влияния в Африке и Океании», провозглашая колонизацию «делом частной инициативы», то уже в 1907 г. выборы в рейхстаг показали, что «общественное мнение Германии в известных пределах одобряет колониальную программу и активную политику вне Европы» [2, с. 14]. Масштаб соглашения определялся кадетами как местный, чисто азиатско-пограничный, но они выражали надежду на то, что дело сближения не остановится на этом

первом успехе, как аргумент приводят «взаимозависимость «параллелизм» политики петербургского и лондонского кабинетов и «сочувственное» восприятие английским общественным мнением действий русского правительства».

Подробному рассмотрению Англо-русская конвенция подверглась в статье С. А. Котляревского. Он считал, что Англо-русский договор не ограничивается его чисто региональным значением. Несмотря на то, что договор, казалось, не затрагивал проблем Балканского полуострова, Малой Азии и Дальнего Востока, «не приходится сомневаться в том, – писал он, – что именно обстоятельства в этих двух районах вызывают потребность в Англо-русском соглашении» [3, с. 48]. Это не союз, но базис для союза, – отмечал Котляревский, который открывает путь к дальнейшему сближению обоих государств.

В журнале «Русская мысль», который являлся одним из наиболее популярных среди читающей публики, была напечатана статья кадетского идеолога П. Б. Струве «Великая Россия», которая, по мнению советского историка Бестужева, представляет собой наиболее последовательную «как бы сводку всех аргументов в пользу образования англо-франко-русской коалиции против Германии. Струве так оценил соглашение: «Историческое значение соглашения с Англией, состоявшегося в новейшее время и связанного с именем А. П. Извольского, в том и заключается, что оно, несмотря на свою кажущуюся новизну, по существу является началом возвращения нашей внешней политики домой, в область, указываемую ей русской природой и русской историей. ... Традиции, которые держатся сильными, здоровыми корнями, следует поддерживать. К таким живым традициям относится вековое стремление русского племени и русского государства к Черному морю и омываемым им областям» [7]. «Основой русской внешней политики – пишет Струве, – должно быть экономическое господство России в бассейне Черного моря. Из такого господства само собой вытечет политическое и культурное преобладание России на всем так называемом Ближнем Востоке». Такое преобладание на почве экономического господства, по мнению автора, осуществим совершенно мирным путем, «раз мы укрепимся экономически и культурно на этой естественной базе нашего могущества, нам не будут страшны никакие внешние осложнения, могущие возникнуть помимо нас. В этой области мы будем иметь великолепную защиту в союзе с Францией и в со-

глашении с Англией, которое в случае надобности может быть соответствующим образом расширено и углублено» [7]. Струве не исключал возможности столкновения с Германией, поэтому считал, что и в этом случае союз с Англией и Францией может стать хорошей защитой.

Главные авторы либерально-народнического журнала «Русское богатство» постоянно подчеркивали свое желание видеть Россию свободной, а отношения между странами и народами равными и мирными. Поэтому Англо-русское соглашение 1907 г. Н. С. Русанов (Кудрин) сразу оценил как грабительное по отношению к Ирану. В свою очередь С. Н. Южаков выразил удовлетворение устранением в ближайшее время возможности англо-русского конфликта. При этом уступки, на которые пришлось пойти царской дипломатии по всем трем пунктам заключенной Конвенции (Иран, Афганистан и Тибет), он считал неизбежным следствием падения международного авторитета России после ее дальневосточного фиаско. В то же время в сохранении за царизмом права единоличного распоряжения в северной Персии Южаков не усматривал ничего хорошего, считал, при определенных условиях это обстоятельство может обрести разорение для русского народа [4, с. 39]. Лидер большевиков В. И. Ленин следующим образом оценил заключенное в 1907 г. Англо-русское соглашение: «Делят Персию, Афганистан, Тибет (готовятся к войне с Германией)» [5, с. 180].

Начальник Главного управления Генерального штаба Ф. Ф. Палицын в своем докладе «О мероприятиях по обороне государства, надлежащих осуществить в ближайшее десятилетие» писал, что «наше дипломатическое соглашение с Англией, подписанное 18 августа 1907 г., хоть и касается лишь определенных взаимных интересов в Тибете, Персии и Афганистане, но знаменует собой известную эволюцию в области политических отношений, дает право предполагать, что в случае вооруженного столкновения в Европе мы не встретим в ряду врагов наших Англию» [3, с. 47].

Более сдержанную оценку Англо-русскому соглашению дал востоковед, подполковник генерального штаба А. Е. Снесарев. Выступая с докладом на собрании членов Общества ревнителей военных знаний, он отмечал, что «Англо-русское соглашение 18 августа 1907 г. является одним из важнейших актов, которые когда-либо видела среднеазиатская обстановка» [6]. Средняя Азия еще не видела такого договора, который бы по

своим масштабам мог сравниться с Англо-русским соглашением: «В географическом смысле оно захватывает широкую зону и пытается установить, как говорят люди, *modus vivendi* на обширной территории; это уже большой плюс для него», – отмечал Снесарев [6]. Однако автор сомневается, что это соглашение сможет стать прочным гарантом мира, главной причиной этому является «неискренность» договора. «Отчего же обе страны не сказали друг другу, что существует беспокойство, главным образом, из-за двух тем, эти темы касаются Индии и доступа в Персидский залив... Люди собираются наладить мирную обстановку, и ни та, ни другая сторона не говорят, по поводу чего же они решаются быть миролюбивыми» [6]. Снесарев считает, что Англия от соглашения выиграла больше. «Она [Англия] дает нам только то, что принадлежало нам, а сама заставляет нас официально отказаться от нашей исторической задачи – прибиться когда-либо к берегам Индийского океана» [6].

Подобного мнения придерживался и барон Таубе, профессор международного права Московского университета, советник министра иностранных дел. В частной беседе он говорил Извольскому: «Я нахожу в этом договоре, что вы желаете дать Англии, но не нахожу того, что она желает дать нам. Вы отказались от Афганистана, от Персидского залива, который, может быть, когда-нибудь обеспечил бы нам выход в открытое море, которого мы тщетно ищем в направлении Константинополя. Вы ничего не получили, за исключением северной Персии, где мы уже фактически являемся хозяевами» [3].

Но в целом общество благосклонно приняло новость о заключении Англо-русского соглашения. Хотя и с некоторым сожалением об уступках, на которые вынуждена была пойти Россия по отношению к Англии. С Великобританией связывалась надежда на решение вопроса о проливах и поддержку российских интересов на Балканах. Противники соглашения отвергали тот аргумент, что оно может стать гарантом мира, а также считали, что никаких выгод от этого соглашения Россия не получила.

Список литературы

1. Балтовский, Л. В. Политическая доктрина партии конституционных демократов / Л. В. Балтовский. – СПб. : СПбГАСУ, 2009. – 245 с.
2. Воронкова, И. Е. Кадеты о русско-английских отношениях в конце XIX начале XX в. : источники антагонизма и основы согласия / И. В. Воронкова //

Изв. высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 4. – С. 12–18.

3. Лунева, Ю. В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1908–1914) / Ю. В. Лунева. – М. : Квадрига, 2010. – 256 с.

4. Мороз, Ю. М. Общественное мнение России и проблема англо-русских отношений в 1907–1914 гг. : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Ю. М. Мороз. – Минск, 2005.

5. Потёмкин, В. П. История дипломатии : в 3 т. / под ред. акад. В. П. Потёмкина. – М.–Л. : Госполитиздат, 1945. – Т. 2. – 432 с.

6. Снесарев, А. Е. Англо-русское соглашение 1907 г. / А. Е. Снесарев // Общество ревнителей военных знаний. – СПб., 1908.

7. Струве, П. Б. Великая Россия / П. Б. Струве // Русская мысль. – 1908. – № 1.

8. Трубецкой, Г. Н. Иностранное обозрение / Г. Н. Трубецкой // Московский еженедельник. – 1907. – № 39. – С. 54–59.

9. Трубецкой, Г. Н. Иностранное обозрение / Г. Н. Трубецкой // Московский еженедельник. – 1907. – № 40.

The peculiarities Russian public reaction to the conclusion of the Anglo-Russian Convention of 1907. In general, this news was accepted favorably, on Britain pinned hopes in the questions of the Straits and support of Russian interests in the Balkans. Opponents considered that any benefits from the agreement, Russia not received.

УДК 821.161.3.09

С. В. Чувак,

*выкладчык кафедры турызму і культурнай спадчыны
ГрДУ імя Янкі Купалы, г. Гродна*

Сяляне і працэсы фармавання грамадскіх супольнасцяў у пачатку ХХ ст. (у творах Я. Коласа)

У артыкуле разглядаюцца аспекты сацыяльнай мабільнасці беларускага сялянства ў эпоху актыўнай грамадскай трансфармацыі (канец ХІХ – пачатак ХХ стст.). Матэрыялам даследавання сталі героі і персанажы апавяданняў і вершаў класіка беларускай літаратуры Якуба Коласа.

Ключавыя словы: сяляне, сацыяльная мабільнасць, грамадства, грамадская трансфармацыя.

Грамадска-палітычныя змены пачатку ХХ ст. (дазвол друку на беларускай мове, з’яўленне газеты «Наша ніва», з’яўленне беларускай па духу інтэлігенцыі, фармаванне нацыятворчага руху і г. д.) прывялі да фармавання светапогляду Якуба Коласа як песняра беларускага сялянства. Якуб Колас, як і Янка Купала, Максім Багдановіч, Максім Гарэцкі і многія іншыя паэты і пісьменнікі той пары, схільныя былі ставіць знак